

ИСТОРИЯ последней постановки пьесы М. Горького «Зыковы» на сцене Куйбышевского театра драмы, тесно связана со Старозагорским театром имени Гео Милева. Поставленный в Куйбышеве первый вариант спектакля «Зыковы» не имел особого зрительского успеха. Поэтому, когда в 1975 году Старозагорский театр имени Гео Милева приглашает П. Л. Монастырского поставить у них ту же горьковскую пьесу, режиссер вместе с художником, заслуженным работником культуры И. Я. Мендковичем решают осуществить постановку совершенно по-иному, более современно и остро. А возвратившись затем в Куйбышев, заново пересматривают уже идущий спектакль, создают новое оформление и новый вариант постановки, который и сейчас идет в нашем театре.

Таким образом, вторым своим рождением куйбышевские «Зыковы» обязаны нашим болгарским друзьям — старозагорцам.

И вот, наконец, долгожданые гастроли театра имени Гео Милева в Куйбышеве. Первые волнения, первая репетиция, первый звонок к началу первого спектакля...

Перед нами знакомые «наши» декорации И. Я. Мендковича: уютный и мрачный зыковский дом, уходящие в самое поднебесье, закрывающие небо и солнце грубые доски стен, огромный иконостас в центре. Как таранцы и наглухо заколоченном лице, живут, мятятся, мечутся в поисках правды и счастья горьковские герои. Звучат первые, торжественные звуки церковного хора. Две женщины, Софья и Целованьева, в тревожном предчувствии ожидают возвращения с прогулки Анны, Михаила, Павла.

Все кажется знакомым и все же с первых же актерских реплик становится ясным, что старозагорцы покажут нам спектакль «другой», свой, непохожий на наш.

Но позволите, могут заметить мне, Горький на чужом языке? Горький, без прекрасного горьковского языка, который в пьесах его неотделим от сюжета? Даже при виртуозном и точном синхронном переводе, который на протяжении спектакля великолепно ведет И. Л. Монастырский? Не слишком ли это смело? Ди еще в такой ли обилие легкой египетской судьбы пьесе, как «Зыковы», где важен не столько внешний, житейский сюжет, сколько сюжет внут-

ренний, философский. Где происходит борьба не только страстей, но и жизненных позиций Павлы и Антипы, Софьи и Хеверна. Где движенье мысли не менее важно, нежели движение чувств...

Отвечу прямо и сразу: нет, за движением именно горьковской мысли, за столкновением жизненных, философских позиций следить на спектакле наших болгарских друзей. В этом, наверное, и состоит сила горьковской драматургии и сила подлинного искусства, способного преодолевать языковые барьеры.

ДЕМОНСТРАЦИЯ ИСКУССТВА ПОБРАТИМОВ ГАСТРОЛИ СТАРОЗАГОРСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ ГЕО МИЛЕВА

Есть в спектакле наших гостей и темперамент, и бурные искристые страсти, без которых была бы мертва горьковская мысль, без которых не перешагнула бы она рамки и не следила бы за происходящим на сцене событиями, застав дышать, переполненный зрительный зал.

В центре спектакля старозагорцев стоит образ Антипы Зыкова, который идет в жизни добра и правды, роль которого исполняет заслуженный артист Народной Республики Болгарии Ангел Ламбев. Его Антипа женится на Павле не потому, что ему пятьдесят, а ей двадцать, а потому, что показалось ему, будто можно около нее «пожить иначе, почитать что-нибудь хорошее, прикоснуться душой к добру». Этот мотив является, мне кажется, ключевым, в решении образа Антипы в спектакле наших гостей.

Но проходит сцена за сценой и начинает допытываться, и вернее сначала чувствовать Антипа — Ламбев, что почему-то не «хорошо и не сладко» ему с молодой женой, что обманула она его ожидания, что за «влюбленные» речами о добре, скрывалась змея проткая и коварная... И все большая тревога и беспокойство зреют в душе Антипы. Как затравленный зверь бродит

он по дому, ищет и не находит себе места, все неизбежно приближаясь к своему трагическому финалу, так как, потеряв Павлу, Антипа теряет последнюю свою веру в возможность «пожить иначе». И чем больше обостряется и становится явным конфликт Антипы с Павлой, тем нервнее и потерянное становится Зыков в исполнении Ангела Ламбева.

Сстати, никакой синхронный перевод становится нужным в финальной сцене третьего акта, когда происходит окончательный разрыв,

разкол Антипы с Павлой и Михаилом, настолько темпераментно и точно по смыслу играют ее болгарские артисты.

Софья в исполнении заслуженной артистки Народной Республики Болгарии Доры Марковой мало оправдывает характеристику других персонажей. Ее Софья женственна, мила, она тоже хочет прислонишься душой к добру, хочет человеческого тепла, и пожалуй, в душе ее еще сохранилась частица прежней нежности к Муратову, так ласково касается она его плеча...

Но по мере того, как развиваются события в спектакле, по мере того, как идешь, с какой стойкостью переживает эта женщина выжившие на ее долю семейные и личные неурядицы, и то, сколько ей пришлось пережить в прошлом, мы уже не сомневаемся в ее уме и деловой сметке... «Правду надо вырабатывать, а не искать» — такой вывод, к которому приходит Софья в конце спектакля. И это открытие дает ей в финале, после всех потерь, силы жить и надеяться...

Павлу в спектакле наших болгарских друзей играет актриса Корнелия Петкова. Ее Павла в первых картинах — удивительно молода и испо-

средственна в своих мечтах о добре. Она искренне верит в возможность добиться, достигнуть этого добра, выйдя замуж за Антипу. И она тоже хочет «пожить иначе», но она вкладывает в эти слова совсем иное, чем у Антипы понятие... Ее проповедь добра без зла оказывается на поверку лишь прикрытием, маской, за которой скрывается ее «материнское» «целованьевское», меланхолическое хитрое нутро. Корнелия Петкова очень точно показывает это «перерождение» своей героини в финале спектакля, когда вдруг изменившейся походкой, мелкими осторожными, хитрыми шажками обогает она лежащего на полу Антипу и тушит свечи.

Михаила Зыкова в спектакле театра имени Гео Милева играет молодой актер Веселин Савов. Его Михаил слаб не физически, а духовно. Он умен и прозорлив. И Павлу он видит и понимает раньше других. «Вон и невеста моя играет на простоту, на доброту», — иронически говорит он еще в первой картине. И вотом — «Монашка все в куклы играет». И это понимание подлинной сущности Павлы, и понимание собственного бессилия делает его по-детски беспомощным...

Интересную трактовку образа лесничего Муратова дает в спектакле наших гостей актер Иван Луканов. Он играет Муратова усталым, истощенным. А весь его цинизм и полность актер рассматривает как брваду, маску, под которой скрывается лицо человека одинокого, побитого жизнью.

Может быть, такая трактовка образа Муратова и не совсем «горьковская», но в этом спектакле вполне убедительная.

Не выпадают из общего стиля спектакля и остальные исполнители: Кычо Арабаджиев (Тараканов), Кольо Мичев (Хеверн), Иванка Антонова (Целованьева), Стелла Топалова (Степка), Георгий Велев (Шохин), Асина Янчева (кухарка).

Когда же отзвучали последние трагические аккорды спектакля и перед залом осталась гореть одинокая свеча Антипы Зыкова, зрительный зал разразился долгими горячими аплодисментами. На сцену полетели алые букеты веселых цветов как признание искусства наших болгарских друзей и вечной дружбы между нашими народами.